

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Научная статья

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-5-13

Эпистемология предрассудков и стереотипов

Александр Анатольевич Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

Данная статья продолжает исследование «не-идеальной» эпистемологии, фокусируясь на коллектических эпистемических установках, таких как предрассудки и стереотипы. Традиционно получающие негативную оценку, эти установки рассматриваются с точки зрения их эпистемического статуса, отличного от моральной оценки. В статье оспаривается представление о предрассудках и стереотипах как изначально ложных, акцентируются их функции экономии познавательных усилий и социальной легитимации, впервые отмеченные У. Липпманом. Подчеркивается разли-
чие между истинностью и корректностью (обоснованностью) стереотипа как эпистемической установки, где приоритет отдается процессуальному аспекту формирования убеждения. В статье поддерживается вероятностный подход к оценке точности стереотипов, их трактовка как родовых утверждений, истинность которых следует оценивать эмпирически, а не априорно.

Ключевые слова

коллективное знание, истина, обоснование, эпистемическая нормативность, рациональность, по-
знавательные ограничения, когнитивные эвристики

Для цитирования

Шевченко А.А. Эпистемология предрассудков и стереотипов // Сибирский философский журнал.
2025. Т. 23, № 1. С. 5–13. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-5-13

Epistemology of prejudice and stereotypes

Alexander A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

© Шевченко А.А., 2025

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2025. Том 23, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2025, vol. 23, no 1

Abstract

The article continues the exploration of “non-ideal” epistemology by focusing on collective epistemic attitudes such as prejudice and stereotypes. These attitudes are examined in terms of their epistemic status, distinct from moral evaluation. The article challenges the view of prejudices and stereotypes as inherently false by analyzing their functions of cognitive economy and social legitimization, first noted by W. Lipmann. The distinction between the truthfulness and correctness (validity) of a stereotype as an epistemic attitude is emphasized, where the priority is given to the procedural aspect of belief formation. The article supports a probabilistic approach to assessing stereotype accuracy, treating stereotypes as “generic statements” whose truth should be assessed empirically rather than a priori.

Keywords

collective knowledge, truth, justification, epistemic normativity, rationality, cognitive limitations, epistemic heuristics

For citation

Shevchenko A.A. Epistemology of prejudice and stereotypes. *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, Vol. 23, no. 1, pp. 5–13. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-1-5-13

В предыдущей работе речь шла о «не-идеальной» эпистемологии, набирающей популярность тенденции, предлагающей по-новому оценить некоторые фундаментальные положения традиционной эпистемической нормативности [Шевченко, 2024]. В первую очередь это касается императивов знания и истины, задающих как исследовательские, так и ценностные ориентиры. Такой пересмотр идеализированных представлений о знании и истине – это движение в рамках социальной эпистемологии, поскольку основной исследовательский акцент в этом подходе сфокусирован на коллективном знании, его видах и функциях. В данной статье рассматриваются такие коллективные эпистемические установки как предрассудки и стереотипы, которые обычно получают негативную оценку в рамках эпистемологии традиционной. Цель заключается в попытке показать неоднозначность такой оценки и наметить некоторые продуктивные пути исследования этих установок.

Предрассудки и стереотипы можно оценивать с двух потенциально конфликтующих позиций – моральной и эпистемической, когда акцент смещается, соответственно, либо на ценностную, либо на когнитивную точку зрения. С моральной точки зрения стереотипы часто порицаются как суждения, которые зачастую (хотя и не всегда) носят уничтожительный характер, дискриминирующие отдельных индивидов или целые группы по какому-либо признаку. Среди самых распространенных оснований – цвет кожи, пол, национальность, религиозная принадлежность, уровень образования или благосостояния. Однако содержание стереотипов может быть и положительным, например, «все азиаты способны к математике», а «все немцы – дисциплинированные работники».

Стереотипы – обобщенные представления относительно характеристик социальных групп, обусловленные распространенными мнениями или объективными статистическими данными (например, уровнем благосостояния, статистикой преступности, подверженностью определенным заболеваниям и т.д.). Отличие стереотипов от простых обобщений заключается в том, что они создают нормативную базу, формируя наши ожидания и интерпретации относительно конкрет-

ных индивидов, входящих в определенную социальную группу. Если стереотипы содержат искаженный и подчеркнуто негативный образ объекта, тогда их называют предубеждениями или предрассудками. Предубеждение – это «негативно заряженный стереотип» [Begby, 2021, р. 2]. Поскольку в данной статье в фокусе находится эпистемологический аспект, разница между стереотипами и предрассудками не является значимой, так как логика рассмотрения и тех, и других будет той же самой. В рамках эпистемологии, как и любые другие убеждения, стереотипы рассматривают с точки зрения истинности, обоснованности, (не)противоречивости. При этом в сфере эпистемологии оценка предрассудков и стереотипов обычно также резко негативная.

Считается, что сам термин «стереотип» в философский оборот ввел Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» (Public Opinion, 1922). Он использовал его для обозначения упрощенных, схематичных представлений о группах людей, которые люди используют для понимания сложной социальной реальности. При этом он не утверждал, что стереотипы всегда точны, но подчеркивал их необходимость и роль в восприятии и понимании сложной социальной реальности, поскольку они, по его мнению, являются упрощенными представлениями, которые помогают нам структурировать и интерпретировать информацию о мире. «В большинстве случаев мы сначала что-то характеризуем и лишь потом наблюдаем, а не наоборот. В объемной жужжащей суматохе внешнего мира мы различаем то, что наша культура уже за нас охарактеризовала, более того, мы склонны это воспринимать в стереотипной форме, которую она для нас создала» [Липпман, 2023, с. 96]. В контексте эпистемологии речь, в первую очередь, идет об экономии познавательных усилий, о своего рода когнитивных эвристиках: «...единообразие может быть довольно точным, а потребность экономить внимание – неизбежна, так что отказ от всех стереотипов ради свежего подхода к опыту обеднил бы человеческую жизнь» [Липпман, 2023, с. 105–106].

Другая важная функция, которую выполняют стереотипы, – это социальная и психологическая легитимация нашего положения в обществе, нормализующая то место, которое мы в нем занимаем. «Помимо экономии усилий, есть еще одна причина, по которой мы так часто цепляемся за стереотипы, хотя могли бы смотреть на мир более непредвзято. Система стереотипов — ядро нашей личной традиции, защита нашего положения в обществе. Она представляет собой упорядоченную, более или менее логичную картину мира, к которой приспособились наши привычки, вкусы, способности, жизненные блага и надежды» [Липпман, 2023, с. 109–110]. В качестве «идеального стереотипа» такого рода У. Липпман приводит пример аристотелевского оправдания рабства, который демонстрирует то, как стереотипы могут быть укоренены в культуре и влиять на восприятие даже в случае очевидной несправедливости или ложности.

С эпистемической точки зрения стереотипы и предрассудки можно рассматривать как когнитивные эпистемические эвристики, облегчающие принятие решений в условиях неопределенности или нехватки ресурсов. Проблема состоит в том, что хотя на макроуровне стереотипы могут содержать верную базовую информацию о групповых чертах, то на микроуровне они систематически искажают информацию о свойствах или поведении конкретных индивидов.

Негативная оценка предрассудков и стереотипов часто основывается на представлении об их ложности, которое может даже включаться в само определение стереотипа. Так, Лоренс Блум считает, что «ложность стереотипа является частью и необходимым условием того, что вызывает возражения в стереотипах в целом» [Blum, 2004, р. 256]. Однако, как и многие другие исследователи, мы полагаем более обоснованной другую позицию, когда истинность или ложность стереотипа или предубеждения не может считаться его основным или определяющим эпистемическим статусом. Как отмечает, например, Миранда Фрикер, даже если окажется, что предвзятые убеждения ложны, это не должно иметь отношения к их эпистемологии, так как истинность или ложность убеждения ничего не говорит нам о его эпистемическом статусе. Его ложность может быть вызвана тем, что оно содержит «ненадежное» (unreliable) эмпирическое обобщение, которое, в свою очередь, может быть результатом совершенно непредосудительной ошибки. Например, это может быть результат коллективного эпистемического невезения в обретении надежного свидетельства. [Fricker, 2007, р. 32–33]. Так что, хотя и правильно говорить, что предвзятые убеждения ложны, это дополнительное уточнение не имеет реального значения в их эпистемологическом анализе.

Еще одна причина не включать истинность/ложность стереотипа в число его определяющих характеристик состоит в том, что в стереотипах часто не различаются корреляции и причинно-следственные связи. Даже если корреляция существует, она не означает причинно-следственную связь. Стереотип может приписывать внутренние качества группе, в то время как наблюдаемые различия могут быть результатом внешних, системных факторов. В качестве примера можно привести утверждение о том, что иммигранты отличаются более высоким уровнем преступности. На уровне простой корреляции (иммигрантский статус/преступность) стереотип вполне может быть истинным, однако учет дополнительных переменных (например, таких как возраст) помогает понять, что в данном случае мы имеем дело с некорректным обобщением. Обычно среди иммигрантов большинство составляют молодые люди, а именно на эту возрастную группу приходится большее число правонарушений. И если в группе иммигрантов непропорционально много молодых людей, то даже если их индивидуальная склонность к правонарушениям не выше, чем у молодых людей из коренного населения, общий уровень преступности в иммигрантской группе будет казаться выше из-за большей доли лиц, находящихся в возрасте повышенной криминальной активности.

Другая, более важная причина, по которой стереотип или предубеждение получают негативную эпистемическую оценку – это предполагаемое нарушение требований классической эпистемической рациональности. Так, стандартное определение знания в качестве одного из условий включает обоснованность истинного убеждения. При этом обычно имеется в виду рациональность самого познающего субъекта, от которого и ожидается выполнение этой работы. Однако сам термин «пред-рассудок» предполагает нечто, полученное «до рассуждения» или «не обработанное» рассуждением.

Здесь необходимо различать истинность и правильность (или корректность) стереотипа как эпистемической установки. Последнее понимается как кор-

ректный способ его получения, которое и определяет его подлинный эпистемический статус и вес. Это, конечно, предполагает перенос фокуса с истинности стереотипа на его обоснованность. Даже если некоторое убеждение и должно просто в силу того, что оно «предрассудочно», это, по нашему мнению, не должно определять его эпистемический статус и оценку. Ключевым здесь является нормативное положение о том, что в качестве эпистемических субъектов мы обязаны стремиться к следованию определенной эпистемической норме, а именно принимать на веру лишь то, для чего имеются соответствующие основания и свидетельства. Хотя отклонения от этой нормы неизбежны в силу ограничений человеческой рациональности, однако сознательное ее нарушение недопустимо. Общий принцип «ought implies can» («долженствование предполагает возможность») признает невозможность «прыгнуть выше головы», неизбежную ограниченность человеческих познавательных ресурсов, а также наличие разнообразных факторов, препятствующих процессу обоснования убеждения. В достаточно деформированных социально-эпистемических контекстах может просто не быть рационального пути к истинному убеждению: даже когда наши когнитивные способности работают на пределе своих возможностей, даже когда мы делаем все, что должны (с эпистемической точки зрения), не может быть никакой гарантии, что результат не будет предвзятым.

Такой подход (смена основного критерия оценки с истинности на обоснованность) является процессуальным в том смысле, что эпистемическая нормативность в первую очередь направлена на процесс формирования убеждения и лишь во вторую очередь на результат этого процесса – оценку убеждения с точки зрения его истинности или ложности. Отсюда вполне возможен вывод о том, что люди могут иметь ложные убеждения, будучи вполне рациональными эпистемическими субъектами. Таким образом, стереотипные и даже предвзятые убеждения вполне могут быть результатом работы когнитивных способностей человека, функционирующих наилучшим образом в конкретной информационной среде.

Процессуальный и вероятностный подходы оценки стереотипов

В рамках рассматриваемого подхода один из способов «усиления» эпистемической нормативности – проведение различия между предписывающими и оценочными нормами [Simion, Kelp, Ghijsen, 2016], которые должны действовать, соответственно, в двух разных контекстах: 1) контексте обоснования убеждения на этапе его принятия и 2) контексте последующей критической оценки уже принятого убеждения. При этом в число оценивающих норм, работающих на втором этапе, можно включить отдельную норму, которой не может удовлетворять ни одно ложное убеждение. В сущности, в таком случае у нас будут разные нормы для процесса и его результата.

Отдельный класс ситуаций представляет сознательное несоблюдение оценивающих норм второго этапа. Среди множества примеров выделим два: «умышленное неведение» (affected ignorance) [Moody-Adams, 2002] и «активное неведение» (active ignorance) [Medina, 2013], когда субъект сохраняет свои предвзятые убеждения перед лицом значительного количества противоположных доказа-

тельств. Умышленное неведение – это не просто отсутствие знания, а морально предосудительное состояние невежества, возникающее из-за того, что индивид или группа активно или пассивно сопротивляется получению знаний, которые они могли бы и должны были бы иметь. Часто «умышленное неведение» поддерживается механизмами самообмана и рационализации, когда люди убеждают себя, что они не могли знать, или что знание не изменило бы ситуацию, или что ответственность лежит на ком-то другом. Стандартным историческим примером такого рода служат обыватели в нацистской Германии, которые утверждали, что «не знали» о масштабах Холокоста, хотя признаки и информация были доступны тем, кто хотел их видеть и искать.

В отличие от простого отсутствия знаний или даже «умышленного неведения», которое может быть результатом пассивного пренебрежения или индивидуального самообмана, «активное неведение» – это более агрессивная, систематическая и часто коллективно поддерживаемая форма невежества. Это невежество, которое активно воспроизводится и поддерживается для сохранения существующих структур власти, привилегий и социальных иерархий. Пример активного невежества – активное отрицание или преуменьшение исторических злодействий (например, отрицание Холокоста, работоговли, геноцидов) для поддержания какого-либо национального мифа или идеологии. Один из механизмов поддержания такого эпистемического неведения обоих разновидностей – это уже описанный нами ранее механизм создания эпистемических пузырей/эхо-камер, т.е. окружение себя только теми источниками информации и мнениями, которые подтверждают существующие убеждения, и активное избегание или отторжение альтернативных точек зрения.

Хотя, как уже сказано выше, мы привержены процессуальному подходу в работе со стереотипами, это не значит, что следует полностью отказаться от вопроса об их точности или истинности. Понятно, что с одной стороны этого требует от нас сама ценность истины как центральной категории эпистемологии. С другой стороны, требует объяснения очень большой процент соответствия стереотипных представлений реальности (о чем, например, говорит само название статьи Ли Джуссима и соавторов «Невыносимая точность стереотипов») [Jussim et al., 2009]. Л. Джуссим – современный социальный психолог, чьи работы активно цитируются и обсуждаются философами. Он является одним из наиболее заметных сторонников точки зрения, что многие стереотипы (особенно демографические и касающиеся некоторых черт личности) являются удивительно «точными» в статистическом смысле. То есть представления людей о группах часто коррелируют со статистическими данными об этих группах. Он различает точность стереотипа (насколько групповое обобщение соответствует статистической реальности) и предубеждение (применение этого обобщения к индивиду или негативное отношение). В упомянутой статье оспаривается широко распространенное в социальных науках и обыденном сознании представление о том, что стереотипы по своей сути неточны или ложны. Авторы утверждают, что, несмотря на негативные социальные последствия стереотипов (предрассудки, дискриминация), их фактическая точность является вопросом эмпирическим, а не идеологическим. Основываясь на обзоре множества исследований, они приходят к выводу, что стереотипы

о группах (особенно консенсусные, т.е. разделяемые большинством) часто являются достаточно или даже высоко точными отражениями реальных статистических различий между группами.

При оценке точности стереотипов наиболее перспективным представляется вероятностный подход – оценивать общую вероятность того, что стереотип может быть верен в отношении конкретных представителей. Его преимущество в том, что такую оценку можно применять как в отношении действительной, так и воспринимаемой истинности. В статье Шимона Чарника «Насколько правдивы стереотипы?» автор также отвергает распространенное в социальных науках и обыденном сознании представление о том, что стереотипы по определению являются ложными или неточными, и настаивает на том, что их истинность или точность не должна отвергаться априори, а должна быть предметом эмпирической оценки. Он предлагает понимать стереотипы как «родовые утверждения» (*generic statements*) – обобщения, количественная определенность которых размыта, что и создает проблему их оценки. Родовые утверждения (например, «Птицы летают», «Мужчины выше женщин») выражают обобщения, но не несут точной количественной информации о том, сколько членов категории обладают данным свойством. Они отличаются от универсальных («Все птицы летают») утверждений. Признание родовой природы стереотипов позволяет уйти от ди-хромии «абсолютно истинно / абсолютно ложно» и открывает путь к более детализированной оценке. В качестве методологического решения Ш. Чарник предлагает оценивать точность стереотипов в вероятностных терминах. Это означает определение вероятности того, что родовое утверждение окажется истинным применительно к случайно выбранным индивидам из соответствующих групп. Например, для стереотипа «Члены группы А обладают признаком Т в большей степени, чем члены группы Б» оценивается вероятность того, что случайно выбранный член группы А действительно будет обладать признаком Т в большей степени, чем случайно выбранный член группы Б. Этот подход позволяет количественно оценить как фактическую точность (на основе объективных данных), так и воспринимаемую точность (субъективные оценки людей). Таким образом, вероятностный подход напрямую связывает групповой уровень обобщения (стереотип) с индивидуальным уровнем (применимость к конкретным членам группы). Это помогает преодолеть путаницу между этими уровнями, которая часто возникает в дебатах о стереотипах.

В заключение подчеркнем, что современная социальная эпистемология давно отказалась от представления о том, что предрассудки и стереотипы представляют собой просто ложные или иррациональные убеждения. Их следует понимать как фундаментальные когнитивные эвристики и инструменты категоризации, присущие человеческому разуму в условиях когнитивной не-идеальности. Кроме того, стереотипы могут обладать значительной степенью эмпирической точности, отражая статистические корреляции в социальной реальности. Признание этого факта необходимо для построения адекватной эпистемологической теории и понимания того, почему эти установки так широко распространены и устойчивы.

Список литературы

- Lippmann** У. Общественное мнение. М.: АСТ, 2023. 448 с.
- Шевченко А.А.** Не-идеальная эпистемология и эхо-камеры // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22. № 2. С. 5–14.
- Begby** E. Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2021. 218 p.
- Blum** L. Stereotypes And Stereotyping: A Moral Analysis // Philosophical Papers. 2004. Vol. 33. No. 3. P. 251–289.
- Czarnik** S. How much truth is in stereotypes? // Philosophical Problems in Science (Zagadnienia Filozoficzne W Nauce). 2020. No. 68. P. 243–279.
- Fricker** M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007. 208 p.
- Jussim** L., **Cain** T. R., **Crawford** J. T., **Harber** K., **Cohen** F. The unbearable accuracy of stereotypes // Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination / Ed. T. D. Nelson. N.Y.: Psychology Press, 2009. P. 199–227.
- Medina** J. The Epistemology of Resistance: Gender and Racial Oppression, Epistemic Injustice, and Resistant Imaginations. Oxford: Oxford University Press, 2013. 352 p.
- Moody-Adams** M. Fieldwork in Familiar Places: Morality, Culture, and Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 268 p.
- Simion** M., **Kelp** C., **Ghijssen** H. Norms of Belief // Philosophical Topics. 2016. Vol. 26. Iss. 1. P. 374–392.

References

- Begby** E. Prejudice. A Study in Non-Ideal Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2021. 218 p.
- Blum** L. Stereotypes And Stereotyping: A Moral Analysis // Philosophical Papers. 2004. Vol. 33. No. 3. P. 251–289.
- Czarnik** S. How much truth is in stereotypes? // Philosophical Problems in Science (Zagadnienia Filozoficzne W Nauce). 2020. No. 68. P. 243–279.
- Fricker** M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007. 208 p.
- Jussim** L., **Cain** T. R., **Crawford** J. T., **Harber** K., **Cohen** F. The unbearable accuracy of stereotypes // Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination / T. D. Nelson (Ed.) N. Y.: Psychology Press, 2009. P. 199–227.
- Lippmann** W. Public opinion. Moscow: AST, 2023. 448 p. (in Russian)
- Medina** J. The Epistemology of Resistance: Gender and Racial Oppression, Epistemic Injustice, and Resistant Imaginations. Oxford: Oxford University Press, 2013. 352 p.
- Moody-Adams** M. Fieldwork in Familiar Places: Morality, Culture, and Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 268 p.
- Shevchenko** A. Non-ideal epistemology and echo chambers // Siberian Journal of Philosophy. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 5–14. (in Russian)
- Simion** M., **Kelp** C., **Ghijssen** H. Norms of Belief // Philosophical Topics. 2016. Vol. 26. Iss. 1. P. 374–392.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Шевченко, доктор философских наук
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 3.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 3.02.2025;
approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 24.02.2025*